

привелъ бы къ этому, еслибы онъ былъ реализованъ съ строгой, логическою послѣдовательностью. Но адвокаты его не разсчитывали на это и не хотѣли этого. Напротивъ, они выбивались изъ силъ, стараясь найти такую формулу жизни, которая примирила бы всѣ ея требованія, какъ высшія, такъ и низшія... И это имъ дѣлаетъ величайшую честь.

— Ммъ, вотъ какъ?

Молчаніе. За стѣною, какъ-разъ противъ моей постели, слышался жалобный вздохъ и слова: — „Господи, Боже праведный!“ — голосъ былъ женскій. — Еще кто-нибудь, кому не даютъ уснуть, подумалъ я. Комната, къ этому времени, была полна дыму; но не взирая на то, онъ выколотилъ и набилъ сызнова.

— Чортъ знаетъ, что это за человѣкъ! — думалъ я, теряясь въ попыткахъ подвести его подъ какую-нибудь знакомую категорію. — Нѣтъ! Никогда не видалъ ничего подобнаго!

Раскуривъ трубку до-красна, такъ что сухіе табачные корешки трещали и вспыхивали, онъ продолжалъ:

— Милостивый государь! Попытка переустроить жизнь по плану была заносчивая попытка и, какъ извѣстно, рухнула, на практикѣ побѣжденная силою вещей, въ теоріи — новымъ міровоззрѣніемъ.

— Какъ! Еще новое!

— Да; и на этотъ разъ — изъ другого источника. Оно еще молодо и не успѣло сложиться въ замкнутую, выработанную систему; но, тѣмъ не менѣе, черты его уже довольно ясны... Милостивый государь! Оно не находитъ въ основѣ жизни никакихъ благонамѣренныхъ плановъ или задачъ, которые жизнь обязана была бы осуществлять. — Живое, — говоритъ оно: — живетъ не такъ какъ должно, а такъ, какъ можетъ, мало того, и эта возможность доступна только для ограниченного числа. Жизнь расточительна и производитъ неизмѣримо больше, чѣмъ можетъ сберечь. Это — тотъ пиръ, на который много приглашено и мало допущено, то скудное, скупо отмѣренное наслѣдство отца, котораго не хватаетъ дѣтямъ и изъ-за котораго между ними, споконъ вѣковъ, идетъ озлобленная война. Горе больнымъ и слабымъ, ибо ихъ родъ осужденъ погибнуть въ этой войнѣ!..

Короткая пауза. За стѣною опять глубокій вздохъ и слова: — „Боже помилуй и сохрани насъ грѣшныхъ!“

— Гоббесъ, милостивый государь, Гоббесъ и Мальтусъ оправданы! Мечты золотого вѣка, завѣтныя упованія кроткихъ сердецъ на всеобщій миръ — развѣнчаны и разбиты! Неумолимый,